

Маслов Владиславович Максим

Письмо

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70613602
SelfPub; 2024*

Аннотация

Изо дня в день один и тот же сон, который пытается записать наш герой, но он каждый раз забывает сновидение. Просыпаясь с холодным потом на лбу, он бежит к столу, но каждый раз как будто новый.

Содержание

I	4
II	8
III	11
IV	15
V	23
VI	34
VII	43
VII	51

Маслов Максим

Письмо

I

«Металлическая дверь, которая больше походила на тюремную, квартиры N распахнулось и показала всё тоскливое нутро данной коморки. За дверью был коридор с длинной, присущей дворцам, нежели обычным квартирам панелек, а соединял он всего-навсего кухню и две комнаты. В кухне никого не было, обычная пустая комната со столом в центре, плитой и холодильником, а один её вид навеивал тоску, которую только и развеивали кухонные ссоры и, в лучшем случае, праздные вечера, так что лучше при входе в её сторону не смотреть. Сам коридор был увешен разными картинными, причём все они были написаны в одном стиле, но сейчас это неважно. В конце коридора была развилка к двум комнатам: одна из них была закрыта, а из другой дул сквозняк из-за забытого открытого окна. Зайдя в эту комнату, можно было увидеть всего четыре вещи: старый огромный шкаф, набитый горами вещей, это было заметно из-за приоткрытой двери, из которой вываливалась нестиранная одежда; стол, укрытый то скомканной, то аккуратно выложенной бумагой; окно, через которое солнце украшало своими тёплыми лу-

чами стены, хоть что-то здесь было задорное и вселяющие надежду на нормальную жизнь, и кровать. Она особо ничем не выделялась среди других вещей комнаты: обычное белое постельное бельё, и совсем обычный человек, свернувшись калачиком, спал на ней, только одно было странным – это его вдохи и выдохи, которые с каждый разом становились всё реже и реже, как будто он сейчас совсем перестанет дышать и задохнётся. И если ещё внимательнее присмотреться, то можно увидеть, как он сжал очень сильно одну из ладоней в кулак. Но ладно, хочется повнимательнее рассмотреть стол и узнать, что же хранят в себе эти бумаги. Среди гор чернови-ков видна одна обособленная и совершенно чистая бумажка, в заголовке которой написано «Письмо», а чуть ниже написано ФИО адресата «...

–АХ!!! – вскрикнул спавший человек.

Вдруг вскочил с кровати герой. На его лбу был холодный пот, вроде того, который обычно появляется после долго-го кошмара – сна, воплощающем все страхи человека. Личность смотрела на свою ладонь, на которой остались следы от сильного сжатия, глазами полными недоумения. Так прошло где-то минут пять или десять, но они прервались.

–Нужно писать, нужно писать, нужно писать, нужно пи-сать, нужно писать, нужно писать, нужно писать... – повто-рял он до того момента, пока не сел за стол, не взял ручку и не начал писать.

На всю квартиру было слышно, как ручка строгала своё

искусство на бумаге, но это было похоже со стороны на небрежную и абсолютно безграмотную писанину, хотя на самом деле по итогу появлялись абсолютно прекрасные предложения. Конечно, не удалось толком рассмотреть, что же там написано, так как человек перевернул листок бумаги и принялся дописывать. По его лицу было понятно, что ему не особо хотелось переносить последние слова на другую страницу, ведь получилось не так идеально, как бы хотелось. Последние слова «Письма» на этой странице получились такими «ел умереть.».

Доделав свой идеал, человек с облегчением вздохнул. Тут же упала ручка на пол, а за ней все горы бумаги, они стали ненужные, ведь вот она, сама гениальность воплотилось перед нашим «писателем», и только она и осталась на столе. Аккуратно свернув «Письмо», он положил его в карман своей куртки, висевшей на двери, и наш герой начал собираться. Да, ему пришлось потратить прилично времени, чтоб наконец разобраться в том бардаке, который устроил. Всю бумагу скинул в мусорный мешок, аккуратно разложил и повесил одежду в шкафу, заправил кровать и распахнул окно, будто ему нужен этот бардак только для того, чтобы наконец дописать своё творение, так сказать «творческий беспорядок». Комната совершенно начала по-другому выглядеть. Она как будто теперь принадлежала другому человеку, не творцу, а обычному жильцу этого мира.

Человек быстро оделся и надел куртку, захлопнув за со-

бой дверь, он вышел из комнаты к тому самому коридору. По коридору шёл медленно, рассматривая все картины. Там были такие картины, как «Странник на морем тумана», «Станчик», «Алёнушка», «Неизвестная», «Душа розы», все они имели одну общую черту – одиночество, но это одиночество не было отвратно для них, ведь они научились им наслаждаться. Может наш герой и повесил их с той целью, чтобы стремиться к такому же пониманию одиночества, а не страдать изо дня в день скукой и тоской?

Он обулся и открыл входную металлическую дверь. На пол упала бумажка, которую почтальон засунул в дверной проём. На бумажке было написано направление на психиатра на определённое время. Герой подобрал бумаженцию и с тяжестью вздохнул, видимо в планы его это точно не входило, но что тут поделать. Он вышел на улицу и перед ним открылся мир прекрасного. Умиротворённый шелест травы, зелень листьев яблонь, воробьи, сидевшие на ветках рябины, напевали свои идеальные композиции: всё это так сочеталось, что ту тоскливую комнату можно было позабыть в мгновение, но среди всей этой чудесной картины выделялась одна вещь, как в белом платье балерина, танцующая среди напарниц в чёрном, – это был тот самый запах, напоминавший каждое мгновение весны.

II

Сирень. Именно её запах был тем ключом к воспоминаниям, в которых можно было найти, как и неразделённую любовь, потерю близких, тоску, так и радость, разделённую с друзьями, свободу в окружении родных, любовь к самому дорогому тебе человеку. А благородный фиолетовый цвет сирени окрашивал собой подъезд дома, что выделяло его среди остальных бездушных десятиэтажек, утопающих в обыкновенном тёплой краске от солнца. Увидев идеальную картину Вселенной, наш герой застыл. Глазами он смотрел только на сирень и видимо что-то вспоминал. Может он вспоминал, как был счастлив в одиночестве среди сиреней, а может переживал разлуку, сидя под сиренью. Нам остаётся только гадать. Но это длилось недолго, где-то секунд 5-10, так сказать, мимолётное мгновение, после чего он пошёл по своему маршруту, хоть глаза его не были такими же застывшими.

Он обходил дворы, машины, людей, но всё также смотрел в одну точку, а когда очнулся, то не заметил, как оказался уже на проспекте. Тут его глазам не за что было зацепиться, и они погасли. Если посмотреть на человека, то среди остальных людей на улице он выделялся то более печальным видом, то более задорным. Его настроение металось и не могло определиться с одним настроением. Наш герой даже щёлкал

пальцами, чтобы хоть как-то развеять гул машин и топот мимо проходящих людей, то, уткнув глаза в ноги, шептал про себя.

– А может не стоит? А что про меня тогда подумают? А может я страдаю непонятно чем? А что мне сказать на это?

Так продолжалось до тех пор, пока он не увидел, видимо, одного до жути знакомого человека, ведь на его лице появилась ослепительная улыбка, глаза стали радостные, да и рукой он начал размахивать, крича: «Привет!». Только в ответ последовал лишь холодный и надменный взгляд, как будто знакомый в чёрной кепке был на верхушке башни, чей пик заходил за облака, откуда уже в свою очередь падала тень всевластия и эгоизма. Улыбка тут же потерялась, а глаза уткнулись в асфальт. Нашему человеку только и оставалось протянуть свою жалкую руку с надеждой на то, что хотя бы её пожмут. Рукопожатие всё-таки состоялось, но это было не дружеское приветствие, а скорее обычная формальность между «знакомыми», которая ничего не значила.

– Знаешь, когда я жму тебе руку, чувствую, что сейчас передо мной совершенно незнакомый человек, как будто мы ни разу даже глазами не пересекались, но когда я смотрю тебе в глаза, то вспоминаю того самого человека, которого знал с самого детства, мы даже придумывали свои идеи и придерживались их, но время беспощадно и теперь они во многом отличаются, но внутри мы всё те же друзья, хоть и старые. – Вырвал из себя тихим голосом наш герой.

– А ты помнишь? – Последовало в ответ после нескольких секунд молчания.

– Помню.

После неловкого разговора бывшие друзья разошлись, как будто ничего и не было, только наш человек остался на месте, видимо вспоминая те самые мгновения, которые и сделали из прямой дороги перепутье.

–Я помню то самое лето, я помню...

III

Это было года четыре назад, да, вроде бы четыре года назад это всё произошло. Дело было летом, тем самым лучезарным летом, когда пели птицы, бегали белки, выпрашивая орехи у детей, трава шумела от ветра и лучи солнца отражались от текущей своим чередом реки. Да, тогда я и мой друг гуляли в городском парке и, как всегда, обсуждали, что произошло на неделе, или вспоминали прошлые деньки, конечно, этого я сильно не запомнил, но точно помню тот момент, когда мы разговорились о наших целях на жизнь, мечтах.

– Какое же прекрасное небо – Вздыхая, проговорил я – Знаешь, когда я умру, то хотел бы наблюдать за прикрасами нашей вселенной. Смотреть, как зарождаются планеты, или же как умирают чёрные дыры. Может я не смогу понимать все загадки космоса, но мне этого и не нужно. Это было бы идеально.

– Ну ты и фантазёр! – Насмехался надо мной лучший друг – Люди верят, что после смерти рай, nirvana, колесо сансары и многое другое, а ты мечтаешь о космосе.

– А как тут не мечтать, когда лишь мысли о космосе помогают мне хоть как-то абстрагироваться от всего?

– Я согласен, было бы веселее, если можно было стереть все проблемы, прошлое и думать только космосе, если бы за деньги не пришлось столько работать, если бы тебя кто-то

понимал, но такова жизнь без прикрас, и ты в ней от мира сего. – Смотря на небо сказал он – Ты же помнишь о нашей цели?

– Да, помню, несмотря на все мечтания мы должны стремиться к тому, чтобы запомнится в этом мире. Сотворить то, за что получим признания и значимость.

– Знаешь, я тут недавно думал о нашей цели. Многие людям же приходится марать руки, играть с совестью, терять близких, оставаясь по итогу со смертью один на один, разве это того стоит? Я думаю, что нет. Можно же пытаться достигать успеха, но помнить о людях, которые вокруг тебя. Да и каждому своё время.

– Да, это стоит того. – Сказал я с полной уверенностью, хоть в какой-то степени даже не понял, что произнёс.

– Что, прости? – С удивлением произнёс он, переведя на меня ошеломлённые глаза. – Ты готов всё потратить, ради обычных денег и записи в истории?

– Да, я этого и хочу. Я не знаю ничего, кроме как достижение цели, не видел жизни, не знаю о радости, свободе и любви. Я даже не знаю о счастье, так зачем мне эта жизнь?

– А как же люди, которые тебя поддерживают, как же твои родные, да даже как же я?! – Уже повышал на меня голос друг, видимо мне тогда надо было остановиться, но на меня что-то нашло.

– Я ненавижу людей. – Без эмоций бормотал я, как будто машина для убийств зачитывала свою программу. – Что

в них хорошего? Одни эгоисты. Ну вот сам посмотри на наших знакомых. Один зазнавшийся чудик, который думает о себе и вместо дружбы использует тебя, другой лицемер, пытавшийся подняться в глазах своих «друзжков» на унижении тебя, а последний только и делает, что смотрит с висока, хоть ты ради него руки и ноги ломал, но ему как об стенку. Где же эти чистые люди, скажи мне? Каждый второй такой, эгоист на эгоисте.

– А сам то ты кто после этих слов? Эгоист же. Ставишь всех под один ярлык. Очнись, ты даже меня под одну гребёнку косишь.

– Что ненавижу, тем и становлюсь. С чем борюсь, того и боюсь. Ничего нового.

– Ладно, оставим это всё. – Видимо он давал так мне второй шанс, но это было тщетно – А если ты не достигнешь своей цели?

– Я убьюсь... – Я вроде бы не хотел его расстраивать, но уже меня нельзя было остановить. – Я уже говорил, что я не чувствую наслаждение от жизни, так зачем мучиться? Ты можешь сказать, что пусть моё дело продолжит моё наследие, дети, но для меня это глупость.

– Слушай и смотри на меня – Тогда он положил руки на мои плечи и смотрел прямо в мои глаза, этот взгляд я никогда не забуду. – Попробуй насладиться своим существованием, насладиться настоящим, здесь и сейчас, а не глупым будущем. Собери тех людей, которых ценишь и отдохни денёк,

побыв радостным. Почему для тебя это так сложно?

– Нет смысла наслаждаться тем, что никогда не видел и не испытывал. Я лучше буду рациональным человеком во благо себе.

– Да что на тебя нашло!?! – С ором он оттолкнул меня от себя – Ты даже меня не во что не ставишь, человека, которой был с тобой всю жизнь, это и есть такая благодарность мне за всё? Ну спасибо. В следующий раз даже руку мне не жми и не вспоминай, что мы с тобой там строили, с таким другом и врагов не надо!

Тогда я остался один и, видимо, на этот раз точно. До этого у нас были споры, но всё обходилось, ведь я мог контролировать себя, однако в этот раз всё было по-другому. Что-то проснулось во мне, что-то говорила мне, что нужно оставаться на своём пути. Несмотря на то, что я пытался из раза в раз остаться с ним, я всё равно остался тогда в центре парка один. Да, он говорил правильные вещи, но в них я тогда не верил, тогда я верил в то, что нужно остаться на пути одному, чтоб когда-то найти человека любимого, вместе с этим достигнув своих целей. Но походу я лишь останусь к смерти один, тогда мне придётся только её обнять, ведь только она дождалась меня у смертного одра. Ладно, воспоминания – это дело прошлого, нужно идти дальше к адресату письма.

IV

Пока человек вспоминал чудесные и переломные мгновения своей жизни, он шаг за шагом был всё ближе и ближе к чарующему дому. Его глаза смотрели всё время только прямо, не обращая внимание на прохожих, ямы на тротуаре и на лужи, их он проходил довольно плавно, будто шёл по ним, как корабль неспешно проплывал к своему порту для долгожданного отдыха. И вот уже знакомая улица. Этот двор уже не вызывал у героя тех эмоций, которые он испытывал в отличие от своего, тут чего-то не хватало. Но это уже было неважно, ведь нужный подъезд всё ближе и ближе. Вот уже и домофон, пальцы сами жмут цифры, а уши уже наготове услышать любимый голос. На звонок ответили и от нашего человека последовал долгожданной вопрос:

– Здравствуйте, можете позвать к трубке ###?

– Эээ – Неуверенно и озадачено прозвучал мужской голос

– Вы, наверное, спрашиваете о прошлых жильцах квартиры, странно, что не знаете, но они переехали в другой город уже как недели две назад, так что извините.

Герой даже не стал отвечать на это. Сбросив звонок, он развернулся от подъезда и пристально всмотрелся в этот двор. Видимо, хотел обособиться от услышанного ужаса и решил найти ту самую оплошность, которая мешала полноценно насладиться этой улицей. Внимательно рассмотрев всё, он

наткнулся на куст сирени, который уже увял, что было достаточно странно. Из-за этого не было того самого запаха, украшавший любой двор, хоть и присутствовало пение птиц, тёплые лучи солнца, которые по тысячи раз отражались в окнах многоэтажек. Сколько бы не пытался он отвлечь своё сознание от разочарования в том, что ему даже не сообщили о переезде, эмоции выходили наружу, и то письмо, которое лежало всё это время в кармане куртки, было скомкано в клочок бумаги, видимо он не хотел разрывать свой труд, хоть ему и нужно было выпустить эмоции. Этот клочок человек положил снова в куртку.

– Ладно, нужно идти по делам. – Сказал он про себя.

Пробормотав, человек пошёл в больницу, хорошо, что она была неподалёку и не нужно идти в другой конец города. Да и хоть этим он займёт себя и наконец отвлечётся от тоски по прошлому.

Повернув за угол дома, можно было увидеть больницу, она ничем не выделялась, обычное громоздкое здание посреди спального района. Будто бы это место само за себя говорило, что оно предназначено для душевнобольных людей. Окна давно уже не обновляли, крыльцо тоже уже разваливается, а входная дверь, скрипя, еле открывается, это здание само олицетворение психически больного человека. Узнав у регистратуры о кабинете врача, наш герой поднялся на нужный этаж и прошёлся по его коричневому коридору до кабинета. Очередь, как всегда, была и была большая, так что

ничего не оставалось ему, как сесть на скамейку и последующие минут тридцать ждать своего часа. По лицу человека можно увидеть, как он погрузился в спокойствие и освободился от своих мыслей, тем самым наконец заметил людей, лица которых ничем не отличались, особенно эмоциями, не всем нравится ранним днём стоять в очереди к психиатру.

Но вдруг тоску возле кабинета развеяло очаровательный тихий голос. Это была девочка у окна, напивающая свою скромную детскую песенку. На её скромный силуэт падали тёплые лучи солнца, будто сама природа взяла её под своё крыло. Хозяйка удивительного таланта заставила нашего героя впасть в пропасть своих воспоминаний, ведь он смотрел лишь на неё и ничего больше. Походу счёт времени был нарушен и уже не важно, сколько пройдёт минут, главное – это песня. Пока он пытался вслушаться, очередь уже начала подходить к нему, но человек этого не замечал. Чтобы разбудить его и напомнить, что он следующий, к нему подошла та самая девочка с тёмными волосами и сказала:

– Дяденька, Вы следующий – Скромно прошептала девочка.

– А?! – Опомнился он. – Да, спасибо тебе.

Ошарашенный герой вскочил и побежал в кабинет, где его ждал неприятный разговор с глазу на глаз с доктором. В кабинете сидел мужчина с чёрной щетиной, ему на вид было лет 30-35, – это был наш доктор. Он сидел и заполнял бумажки после прошлого пациента, вместе с этим готовя к за-

полнению бумаги человека.

– Да, заходите и присаживайтесь. – Сказал уже уставший от ежедневного выслушивания проблем доктор.

Герой сел уже на измученный сотнями людьми стул и принялся разглядывать кабинет. Всё стояло изо дня в день на своих местах. Календарь на стене, которому забывают помянуть число, сертификаты и лицензии, украшавшие стену, а также огромный шкаф, который был набит тоннами бумаги. Только один предмет заинтересовал личность, это были настольные песочные часы, которые так и не терпелось перевернуть, что он и сделал.

– Ну раз вы перевернули часы, то начнём. – Умиротворённо проговорил психотерапевт. – Рассказывайте, что за неделю случилось, записывали ли сны, может что-то беспокоит?

– Знаете доктор, в последнее время я начал чувствовать, что жизнь позади, – Начал отрывать от своего сердца наш герой, но к этому он уже успел привыкнуть. – что все мои старые знакомые и друзья стали пропадать из моей жизни, и всё из-за моих взглядов. Им они кажутся слишком циничные и нарциссичны, как будто я для них стал бездушным роботом, но ведь я не могу иначе, так я воспитан и вижу свою жизнь и будущее, которое без рациональных решений не улучшить. Я просто хочу начать чувствовать жизнь, как они, но всё равно остаюсь не от мира сего пустым. Я изменяюсь только ради этого, поворачиваю то влево, то право, но так хочу, чтобы мои друзья остались со мной. Я обещаю, что когда-то изме-

нюю не ради цели, а ради них.

– Насколько вы бы не были циничны и нарциссичны, всё равно чувство привязанности и страх потери ещё присутствуют, так что не всё так уж и плохо. Да и если честно, это нормально, ведь понимаете значимость этих людей в вашей жизни, но и также стоит всегда помнить о скоротечном времени в нашей жизни, в которой у каждого человека свой путь, свои решения и, по итогу, свой конец. Так что человеку, который понимает, что теряет близкого друга, нужно встретиться с ним, хоть ты можешь его ненавидеть всем сердцем, но нужно сказать те самые слова о том, что этот друг что-то да значил в твоей жизни. Лучше сказать то самое «спасибо», которое всегда приятно услышать, чем жалеть о упущенном моменте. После этого вам сразу станет легче принять потерю.

– Я не могу их просто отпустить, так хочется их крепко обнять.

– Так встретись с ними, или попробуйте написать им. Главное вам сейчас, это принять тот факт, что в данный момент жизни нужно идти дальше, вперёд. Жизнь прекрасна, в ней вы ещё найдёте много друзей и знакомых. Это жизнь, её не надо бояться.

– Ещё эти сны. Если не кошмар, то ужас. Каждый раз про одиночество, тоску или же даже заточение, но я никак не могу запомнить детально. Просыпаюсь в поту и как только хочу записать, то забываю, извините.

– Ничего страшного. Если ещё что-то приснится, то постарайтесь записывать дальше. Помните, что сны – это то, что пытается нам сказать наше подсознание. Передать внутренние страхи, беспокойство, благодаря чему мы можем уже идти дальше в нашей работе. Постарайтесь уделять внимание мелочам: цвету людей во снах и их видам, ведь сны могут иметь одну важную вещь, но очень незаметную, и эта вещь и есть ключ от секрета вашей проблемы. Кстати, есть такая интересная теория, наверное, вы её уже слышали, что наша реальность является всего лишь сном, и когда-то мы проснёмся. Может данный разговор является сном, как думаете?

– Больше на бред звучит, чем на правду.

– Возможно, но сами подумайте, в чём суть магии человеческой? Вы же знаете сказки, где есть волшебники с магией из рук, и, наверное, представляли «Вот было бы круто уметь управлять временем», но это сила есть в нашей реальности – это наше сознание и подсознание. Благодаря им мы можем управлять своим временем, проходить через невозможные преграды объективной реальности, ведь мы можем делать свою субъективную, только нужно быть с этим аккуратно, а то можно и заиграться.

– То есть наше подсознание может управлять нашей реальностью, если мы дадим ей больше контроля и части нашего сознания?

– Ладно, хватит теорий, наше время уже подошло к концу. – С ухмылкой сказал доктор. – Так, не забывайте запи-

сывать всё, что снится и о чём думаете, это очень важно!

– Хорошо, постараюсь. – Сказал про себя герой.

–Отлично, ну тогда, до свидания! – Задорно он попрощался, видимо этот разговор поднял ему настроение. – И да, попробуйте проснуться.

–Э... до свидания... – Непонимающе попрощалась личность с доктором.

Выйдя из кабинета, герой заметил, как зал ожидания опустел. Не осталось ни одного человека, даже той девочки, которая также стояла в очереди. Лучи солнца уже не сочились сквозь окна, всё потемнело, походу, день подходит к своему концу. Человек вышел из больницы и узрел розово-оранжевую улицу, дома, облака, будто Бог разлил свою кровь на мир простой. Но несмотря на закат, герой не спешил возвращаться домой. Он не пошёл обратно по той же дороге, а повернул совершенно в другую сторону. Видимо ему хотелось просто насладиться наступающим вечером, наслаждаясь видом утихших панелек, чувствуя прохладный ветер и ощущая одиночество среди розово-оранжевого мира. Может так он хотел что-то вспомнить, а может вообще не хотел думать, анализировать слова доктора и тем более жить прошлым. Наслаждение моментом – это и остаётся в нашей памяти, всего на всего единственный момент, хотя ты не узнаешь сейчас, что это то самое особенное мгновение, только память в будущем нам даст ответ. Также наш человек, может в будущем будет осознавать, что это прогулка стала для него переломным мо-

ментом. Моментом, когда он проснулся.

Чем дальше он шёл, тем более было понятно, куда вели его глаза. Это была старая заброшенная остановка, на которую приезжали автобусы маршрута межгород раз в сутки. Наверное, личность не предавала этому значению, главное сейчас – это путь, ничего больше. К остановке подъехал автобус спустя тридцать минут, которые спокойно выжидал герой. Людей внутри не было, только уставший водитель со включённым радио, где играли старые песни в дорогу. Человек оплатил проезд и уселся в среднем ряду у окна. Автобус двинулся. Дорога была не ровная, и постоянное подпрыгивание на кочках укачивало героя. По его глазам было видно, что он собирается вздремнуть. Его не беспокоило то, что он мог пропустить какую-то остановку, так что он положил голову на окно, а тяжёлые веки сами довели всё до конца.

V

Песчинка. Галька. Ракушка. Песок. Волны. Берег. Море. Голубое небо. Солнце. Солнечный пляж у синего моря, которое отражало чистое небо, как будто на небесах было зеркало. Зеркало, которое одновременно ограничивает мой мир и отражает удивительные краски его красоты. Лишь шум моря не давал моим ушам остаться в одиночестве тишины этого берега, и только море составляло мне компанию своей бесконечной синевой, уходящей за горизонт. Это точно было утром, начало нового прекрасного дня, но не для меня, солнце лишь выполняло свою идеальную работу для природы, для моря, чтобы подчёркивать всю прелесть земную, а меня лишь ослепляло, дабы я не смог насладиться всей красотой. Было достаточно тепло, но это тепло не было для меня знакомым, я привык к холоду ветра на моих щеках, проходящего среди дворов, а не тёплому морю, которое так и хотело своим видом укутать меня и забрать в свою бездну, где живёт лишь синева. Вот он – чистый синий этого дня открылся передо мной, но для меня это лишь чистая грусть. Не знаю, почему у меня это вызывало печаль и тоску. Естество природы делало меня независимым от мыслей, будущего, переживаний и, в конце концов, от эмоций. Но разве и есть моя свобода? Свобода в своём существовании без цели, принципов, мечты. Только песок между пальцев просачива-

ется, который также будет свободен, но упав на землю, будет ли он иметь значение? Только для него самого будет смысл этого падения. Когда только начал падать, он был обеспокоен, но лишь стоило ему понять свою свободу в падение, то прочувствовал естество жизни, но задавалась ли песчинка вопросом: «зачем я падала»? Чтобы также лежать среди других песчинок, и только вместе они будут создавать мне опору для моего падения, для моей жизни, а я, упав, буду уже составлять почву для других, но для кого? Ради моих наследников или же любимых? Ради незнакомца, который может заработать на этом? Хотя какая разница, все и так окажутся со мной рядом, чтобы будущие поколения шли вперёд. Это и есть смысл человека, делать так, чтобы люди после тебе развивались, так заложено природой, естеством, но что насчёт песка? В отличие от людей, он будет свободно падать и лежать, его суть в свободе. Но где же тогда моя свобода на этом берегу? В солнце или в море, которое заставляет раствориться теплоте? Нет, такая свобода для меня бессмысленная, разделяет меня от цели развития, это меня пугает. Это не моя свобода.

Вдруг над морем засветилась красная точка, которая окрашивала всё море и берег в ослепительный кровавый цвет. Этот огонёк был похож на свет от сигнального пистолета, и он настолько ярок, что ослепил меня на несколько секунд. Открыв глаза, я увидел берег. Берег, усеянный ямами от взрывов, металлическими ежами, гильзами, прострелян-

ными военными касками, но что было удивительно, не было не одного трупа, лишь следы от недавнего побоища. Солнце было уже скрыто тучами войны, а горизонт моря скрыт туманом и клубками дыма, в которых было видно мелькание от выстрелов кораблей. Выстрелы винтовок, крики, доносящийся с битвы, огонь пушек – всё это составляло свою неповторимую композицию, будто главнокомандующий был тем самым дирижёром, который только что и делал, как создавал неповторимую музыку. Я же стоял там же, где и был, но в этот раз руки мои были в крови, теперь она капала с них вместо чистого песка, а кисти держали винтовку, из которой точно уже стреляли. Не знаю, для чего она в моих окровавленных руках, но теперь я чувствую, что у меня есть цель и задача, я на этом берегу для того, чтобы моё будущее исполнилось, чтобы мои цели были достигнуты, а интересы удовлетворены. Да, моя свобода заключается в нажатии на курок и выполнение приказа, но если это ради моей цели, то я готов на пойти на такую свободу, ведь в ней есть мои цели и смысл. Теперь свободный берег превратился в арену битвы людей, которые борются за свои интересы, цели и будущее, за свою свободу. Вот она, моя свобода. Моя свобода – это её достижение благодаря целям и мечтам, так она не будет бессмысленной и лёгкой, как тот самый песок. Хотя может быть мои идеи негуманны и неправдивы? Тогда я присел, чтобы ещё раз попробовать ощутить тот самый золотой песок, и что-то во мне смутилось, что-то...

Я стоял на набережной и смотрел на чистое небесное море. Зеркально чистая синева воды идеально совмещалась с солнечно-жёлтым песком. Только всю эту картину рушил один человек, который сидел на корточках, зачем-то брал кучку песка в ладонь и пропускал его через пальцы. Лица неизвестного не было видно, как и его глаз, вместо которых лишь были чёрные пропасти без надежды на какой-либо проблеск цвета радужки. Он даже не посмотрел в мою сторону, а просто-напросто растворился среди лучей солнца, отражённых от песка, но я не стал обращать на это особого внимания. Со мной в тот солнечный день были мои друзья, мои лучшие друзья. Пока они веселись и пытались пригласить чаек на хлеб, я наслаждался музыкой и солёным запахом моря. Нет, я не то, чтобы не хотел веселиться рядом с ними, мне нужно было лишь наблюдение за ними, чтобы этот момент запомнился на всю жизнь. Может это и мелочь, но настолько приятная. Весь секрет лишь в молчание и наблюдение – это моё золото, но их радость ценнее моей, ведь я не был тогда рад, хоть и наслаждался. Будто эта эйфория от дружеской компании во мне не присутствовала. Я почему-то не был рад самим происходящим, ведь эта радость не могла удовлетворить меня, не давала насладиться процессом, а в конце мы лишь разойдёмся и лица их я позабуду, как и радость с ними, только воспоминания об ушедших днях останутся. Так, где тут радость? Нет, мне не нужна радость в процессе, но, тогда как мне найти её?

– Ей, пойдём с нами! – окликнули меня их лица, но почему-то они были настолько размыты, что нельзя было разобрать, кто именно меня звал. – Тут недалеко есть кинотеатр, пойдём повеселимся с комедии!

Кроме соглашения на предложения, я ничего не мог сказать. Мне пришлось пойти за ними, за размытыми личностями без описания. Рядом с набережной и вправду был кинотеатр. Это было маленькое старое здание с изрисованными стенами в граффити и разбитыми окнами. Больше было похоже на заброшенное сельское здание, чем на рабочий кинотеатр. Мои неизвестные друзья уже забежали в входную дверь и, наверное, покупали билеты, пока я ковылял на своих двоих. Наконец дойдя до кинотеатра, и заперев за собой скрипучую входную дверь, я заметил, что зал внутри ни в коем разе не соответствовал своему виду снаружи. Как будто я зашёл в городской кинотеатр с самым большим экраном. Поднявшись по лестнице, я не увидел своих друзей в зале, в котором горел лишь экран и находилось одно кресло. Стоило лишь мне присесть на него, так начался фильм. Эта кинокартина не была похожа на обычное кино и тем более это точно не была комедия. Все кадры сменяли друг друга очень быстро, будто весь фильм состоял из 25 кадра, но я к этому привык и начал замечать фрагменты из моей жизни, фрагменты моих воспоминаний. Тех самых воспоминаний, которые оставались в моём сознание после каждой прогулки. Будто фильм хотел, чтобы моя жизнь пронеслась перед мои-

ми глазами, и я что-то понял подсознательно. После 5 минут пролистывания книги про мою жизнь, всё остановилось на одном кадре, где было написано «Почему мы для тебя близки и цены?». Почему? В отличие от остальных знакомых, с которыми у меня есть общие интересы, идеи, цели, хобби, вы отличаетесь одной важной вещью. Да, безусловно они прекрасные люди, но вы часть моей памяти. Памяти, которой я дорожу. Вы часть моего сознания. Сознания, которым я живу. Вы часть моей жизни. Может, у нас теперь чего-то общего, но всё равно для меня вы останетесь частью меня. Я буду вами дорожить до конца своих дней. Дорожить памятью о вас. После моего ответа фильм пошёл дальше своим чередом, снова показывая весь мой жизненный путь. В этом кинотеатре лишь я один должен был быть, только я один тут должен ненавидеть свою жизнь. В этом мире нужны такие как я, которые буду впитывать все невзгоды в свою жизнь. Фильм снова остановился на одном кадре, теперь это был не вопрос, а ужас в чистом его воплощение. На экране была та самая набережная, на которой мы недавно прогуливались, а на этой набережной была висельница, ставшая для моих друзей последним моментом в жизни. Каждый лучший друг был повешен. Хоть я и не видел их лица, но по силуэту я узнавал их, каждого я мог отличить. Кто же это сделал? Кто их повесил? Это был я сам. В каждом друге я вижу себя, прошедшего другой жизненный путь. Могу даже понять, что мне нужно было сделать, чтобы этот путь реализовать у себя,

но этого моей жизни не нужно. Они все на висельнице моего сознания, как неправильные сценарии развития моей жизни. Фильм закончился и включился белый экран. На нём ничего не было, только белый свет излучался от него. Не знаю, но почему-то в этот момент я почувствовал радость. Хотя и был одинок и рядом со мной не было друзей, но я был рад этому одиночеству. Эйфория была в достигнутых мной ответах. Радость в результате, хоть и увидел я поистине ужасное. Вот она, моя радость в моём одиночестве, в котором я могу достигать результата через тернии после ужасного и сложного процесса.

Вдруг в зале белый свет стал более тусклым, смешавшись с серым туманом, который приходит после любимых мне дождливых дней, но что-то в нём было неестественным, будто это был не упавший ангел с небес, а дым, который я наблюдал с пляжа, глядя на битву морских титанов. Повернув голову, я увидел: кинотеатр горел. Огонь начал свой парад с верхней части зала. Под громоздким экраном виднелась маленькая табличка «Выход», которая излучала такой же мутный и невзрачный зелёный свет, который почти не заметить за ширмой зловещего дыма, но этот лучик пробивался сквозь эти преграды и взывал ко мне. Я неспешно встал со стула и подошёл к этой двери. Вот он, выход из зала, где вели свою войну белый и пламенные света, один из которых хотел создать для меня правильный путь, а другой взять за руку и закончить всё здесь и сейчас, решив мою проблему. За этим

выходом был новый путь, где будет новое рождение, жизнь, и в конце концов та же смерть. Но чего мне стоит сейчас стогреть? Стогреть от своих тревог, проблем, неудач, жалом на всех и ненависть к ним? Может за этой дверь и будет совсем другая смерть, но освобожусь ли я там, как тот песок? Снова меня настигает то чувство, это странное чувство, которое описать нельзя, ведь оно в самом себе неопределенно. Будто это чувство хочет, чтоб я остался в этом кошмаре среди эмоций, доверил им свою жизнь, но я не нашёл среди радости и свободы того, что и вправду бы оставило меня здесь, а может мне и вправду нужно остаться и опустить руки...

Лёгким нажатием на ручку я распахнул свой выход и, вступив на новый путь, узрел необыкновенно новый зал. Это был лабиринт из зеркал, в каждом из которых был новый я, неведомый мне самому. Не в одном из тысячи отражений не мог я найти себя. Выход позади стал таким же зеркалом, и, только посмотрев в него, я мог рассмотреть своё лицо, на котором растянулась улыбка, да слёзы из тёмных пещер угасших глаз текли рекой. Это было больше похоже на набор эмоций, чем на то, что выделяло меня среди толпы однотипных чувств людей. Я смотрел на себя в зеркало, рассказывающие обо мне всё и видевшее меня насквозь, и не мог понять, где же моё «я» существующее, среди всех отражений меня, которые могли получиться, только измени мой выбор в прошлом? Хоть сколько не плутай в лабиринте, хоть сколько не поворачивай налево и направо, всё не могу найти себя

самого: того лица и тела, которые знаю всю жизнь. Может, вступив на этот новый путь, мне нужно родиться, чтоб наконец отразиться?

Скол, а за ним новый скол, будто ветки деревьев разрастались на зеркалах, в конце концов, распустив почки на побеге новой жизни, они образовали трещину, напоминавшие ствол дуба, а за трещиной ничего. Темнота. Осколки зеркал посыпались на пол темноты, играя свою неповторимую музыку. Каждый отскок кристаллика напоминал своим звучанием одну ноту, а может сразу и их сочетание, так и получалась музыка зеркал. После того, как все осколки упали, они сложились в мозаику воспоминаний. В каждом маленьком зеркальце отражался момент из моей тоскливой жизни, только в одном из тысячи промелькнёт улыбка детства, но это уже будет тусклое мерцание, а не лучезарное сияние начала жизни.

Мозаика, кроме того, как напоминала мою прошлую жизнь, выкладывала мне путь в темноту, в которой лишь идеальная былая точка мешала сложиться картине мрака и пучины нескончаемой пропасти, где свет был не видан. И я пошёл по осколкам своей жизни к белой точке, окраивая каждое стёклышко моей свежей кровью и забывая своё прошлое. Шаг за шагом я становился всё ближе к своему будущему, хоть и терпел боль, но мы должны платить своим, чтоб получить от мира небольшую часть благодати. Вот и я плачу своим прошлым и настоящим, чтоб наконец увидеть бу-

дущее, которое станет моим новым настоящим. Может оно не будет праздным, но точно не похожие на прошлое печали. И только точка направляет меня, но что же это, если не направление моей новой жизни?

Уже достаточно далеко ушёл я от зеркал, что из горизонта скрылись они, и вижу только пустоту, в которой блеклая белая точка уже растворилась, вместе с этим и пропала направляющая мою жизнь. Тут нет ни потолка, ни стен, ни пола. Лишь темнота окружила меня своим гнетущим. Не знаю, стоял ли я или ж летал, да что уж там, даже тела с руками не мог я увидеть. Кромешная темнота. Здесь не было моей свободы, которая заключалась в достижение цели, и не было свободы песчинки. Тут свобода совершенно иная. Нет ничего, что могло бы тебя ограничивать. Хочешь оставаться в пустоте и быть свободным в пространстве? Оставайся. Хочешь идти в этой пустоте к своей цели и быть свободным в её достижение? Иди. Здесь ты свободен не в выборе. Здесь ты свободен в самом себе, ведь пространство – это свобода. Тут и радость совершенна иная. Хочешь радоваться среди пустоты, наслаждаясь моментом и процессом? Так радуйся, ведь это пространство свободно. Хочешь радоваться тем, что обдумывал сам себя или же созерцал прекрасную тьму, так радуйся результатом наслаждения или от найденных ответов. Здесь ты не рад процессом или результатом. Из-за самой свободы, заложенной в пространстве, возникает радость, но нельзя сказать о том, что именно фактор свободы влияет

VI

Вдруг я почувствовал своё плечо, которое тряслось без причины. Это была точно не темнота и не мои созданные от одиночества иллюзии, будто кто-то хотел, чтоб я наконец открыл глаза. Наконец прозрев, как только родившийся птенец, прилагавший все силы для начала своей жизни, я также собрал в свои зрачки все лучи света, умудрившийся попасть в автобус. Это были, как и тусклые лучи солнца, которое уже покидало мой мир, и холодный свет от еле работающих ламп автобуса. Как только мои глаза перестали слепнуть от света, после нахождения во тьме, я увидел, что все пассажирские места были переполнены. Кто-то из мужчин смотрел в окно, одна женщина пристально всматривалась в свой телефон, бабушки разговаривали снова о тех темах, до которых мне нужно дожить, а деды, как всегда, кашляли на всю машину, в общем и целом, каждый занимался своим делом, но неужели я так долго спал, что не заметил, как все они сюда зашли? Из всей этой толпы отличался только один человек, дёргавший моё плечо и проговаривавший:

– Извините, с вами всё хорошо?

Видимо, я проговаривал свою усталость в слух, раз он спрашивает.

– Всё нормально, всего лишь сон – умиротворённо ответил я.

– Просто вы так часто проговаривали одно и то же слово «я устал», что уж и побеспокоится можно.

Хоть кто-то обо мне подумал и позаботился за долгое время. Это был дяденька в затрёпанной чёрной куртке, а на облысевшей его голове под наклоном надета шапка-таксистка угольного цвета. Он был похож на человека, который повидал уже что-то в жизни, но, не увидев лица его, так и не смог определиться с выводом. Я не стал ему отвечать, слишком уж его голос был навязчивый и противный. Не было в нём того, что могло бы заинтересовать меня. Обычный и очередной человек в моей жизни. Лучше буду смотреть, как луна возвышается в своём велико над солнцем, застилая не только моё окно своим холодом, но и весь мир. Ровно также, как её белизну покрывает тело вселенной – космос. Эта луна будто та самая белая точка среди мрака бесконечности, где свет не найдёт своего дома, чтоб светить там постоянно. В космосе по итогу затухнет весь свет, несмотря на его скорость, с которой он хочет угнаться за вечной жизнью. Да и затухнет моя луна космически одинокая. Так хочу на ней быть и любоваться вместе с ней прекрасной землёй, танцующей в вальсе со своими братьями и сёстрами. Луна, ты прекрасна.

– *Omnia graecis clara gaga* – Прервал моё созерцание, как и мой сон, тот самый мужчина.

– Что? Вы умеете говорить по-итальянски?

– Не, это латинская – великий язык, умерший также, как и великие древние боги, но свою красоту он не потерял. Сколь-

ко же книг, стихов и проз, которые оставили след в истории, было написано на этом языке? Не одному языку неподвластен труд латинского.

– Говорите, что латинский велик, хоть сами объясняете это на совершенном русском. Как по мне, русский является самым продвинутым, самым красноречивым и обновляющий свой словарь под каждую эпоху языком, что другим это непосильно, как и вашему латинскому, который был оставлен на обочине истории.

– Хорошо подметил. – Видимо этот дядька всего лишь хотел привлечь моё внимание, не больше. – Я не буду спорить с тобой, у каждого своя любовь. Я с тобой даже соглашусь, русский язык и вправду достоин отдельного места среди всех остальных, хоть мне так и далась русская литература из-за её сложности в чтение. Мне сейчас ближе больше зарубежная литература в жанре ужасов и фантастики, написанная, если мне не изменяет память, в 1970-ых или же в 1980-ых.

– Терпеть не могу зарубежную, не могу её читать и всё. Нет в ней моего, родного. Слишком она погрязла она в фантастике и сказках, где нельзя изложить проблемы населения страны в конкретных событиях. Когда я читаю Льва Толстого и Александра Пушкина, могу прочувствовать каждого персонажа и его судьбу, ведь могу понять их русское настроение среди природы. Когда я читаю стихи Есенина и Маяковского, то могу прочувствовать, как они одинакова вкладывают любовь к дому среди строк, хоть и говорят о их про-

тивоположных взглядах. Когда я читаю Булгакова и Шолохова, то благодаря им могу понять настроение людей во время гражданской войны, и кроме них никто не мог сделать это лучше. Да даже когда читаю Набокова, хоть он писал многие свои книги на английском языке, но его «Дар» сразу позволяет могу прочувствовать жизнь русского писателя. Во всех них есть часть меня и моей жизни, есть часть темноты и счастья. А все те, кто говорит, что русская литература – литература одного века, нелюбящие себя и свой русский культурный дом. Русская литература всегда находилась в золотом веке. Хотя сейчас... – Тут на меня резко напало чувство тяжести. – Сейчас я огорчен в русской литературе. Куда пропало великое русское письмо после 20-го века? Что же случилось после Набокова, Шолохова, Булгакова и других одаренных писателей? Какой же секрет хранится в конверте их писем, что сейчас позабыли искусство их написания? Я даже думал написать письмо о прошлом, провести его анализ, чтоб получить ответ.

– Я не знаю ответа, но, извините за вопрос, вы писатель или поэт?

– Не то и, не то, я лишь проклят письмом. Писательство – единственная вещь, которая держит меня на ногах.

– *Feci quod potui, faciant meliora potentes* – Снова проговорил на ломанном латинском этот старикан.

– И что это значит? – Со вздохом спросил я.

– Неважно. Знаешь, я когда-то тоже писал. Считал себя

поэтом и писателем в одночасье. Писал стихи про любовь, дружбу, противопоставляя им рассказы про одиночество и несправедливость. При этом в свою писанину пытался засунуть политический намёк. Я писал «Не был бы государства – не было бы закона. Не было бы закона – не было бы справедливости, являющиеся всего лишь конструктом власти, которая подстраивает это понятие под себя, и несправедливости, лишь естество морали бы существовало», но, как ты понимаешь, это лишь попытки повторить за кем-то, тем более я был под влиянием западных писателей, которые так и любили вставлять политические отсылки. Продолжая писать два года, я заметил, что не пользуюсь популярностью даже у своих близких, как будто они смотрели на мои труды, как на детские рисунки. Я повесил на себя крест поэта и пытался ему соответствовать, а оказался лишь обманут самим собой.

– Почему вы вините себя? Вы же писали ради себя, разве нет?

– Нет, я писал ради своей забавной цели. Хотел запомниться благодаря своим новаторским идеям, но лишь огорчился в самом себе, ведь нет в моей души борьбы закрытых чувств и чрезмерной рациональности. Так что пеняю я всегда лишь только на себя, хоть эту правду нашёл. А для чего пишешь ты?

– Я пишу только потому, что не могу держать в себе ту черноту, которая живёт во мне слишком долго. Раз я не могу рассказать своим друзьям о себе, то попытаюсь поделиться с

этим с бумагой, хотя бы она молча примет меня и поможет найти ответы на проблемы.

– Раз ты пишешь для себя, то какова твоя общая цель в жизни? Нам всё равно долго ехать, так расскажите, если не секрет.

– Моя цель – запомнится в этом мире. Я не вижу смысла жить ради жизни, как это делали многие миллиарды людей до меня. Для меня сама суть добиваться чего-то, хоть это может стоить мне потери друзей, воспоминаний и даже чувств. Так сказать, цель оправдывает средства.

– Хм... А что вы ставите в значение «запомнится», каким образом вы хотите запомниться? Ведь можно запомниться среди друзей, или же в семья, чтоб вспоминали родные, или же в городе, став инженером, построивший больницу. Как вы хотите запомниться в мире?

– Я... – Обычно люди не расспрашивали меня о цели дальше, услышав саму её составляющую, но этот человек поставил в меня в угол. – Я не думал об этом...

– Жаль, мне всегда нравилось узнавать цели людей, ведь почти каждый да отличается в них.

– Не знаю, каждый раз, когда мои друзья слышали мою цель, будто бы они моментально отворачивались от меня, будто существуют лишь два вида целей. Чёрные и белые. Моральные и аморальные.

– Не стоит так делить цели. Ваши друзья более эмоциональные, чем вы. Как я вижу, вы похожи больше на рацио-

налиста. Ваши мировоззрения разные, так что тут неудивительна их реакция на вас и на вашу цель.

– Даже несмотря на то, что мы разные, я всё равно хотел бы остаться с ними. Может даже изменит свою цель или прошлое, но главное, чтобы стать ближе к ним. Я уже устал страдать от внутренней тоски по ним. Каждый сон и кошмар о них и о будущем с ними.

– А изменив прошлое, ты бы застал настоящее? Да и было бы то настоящие более благоприятным и счастливым, чем нынешнее? Изменять нужно не вчерашнее, нужно изменять данный момент. Изменения – это всегда хорошо, даже если оно не развивает в лучшую сторону.

– Но, если я изменю себя, буду ли счастлив, ведь теперь буду страдать от нелюбви к себе?

– *Infelicissimum genus infortunii est fuisse felicem.*

– Снова вы за своё.

– Ты сказал «буду страдать от нелюбви к себе», тут напрашивается вопрос, ты сейчас страдаешь от нелюбви к окружающим?

– Я ненавижу людей. Ненавижу в них всё то, что составляет их эгоизм и эго. Только от этого люди совершают зло по отношению к другим. Сколько бы не пытался переубедить людей, так они снова за своё. Мне это осточертело настолько, что закрылся в себе, став теперь эгоистом по отношению к ним. С чем боролся, тем и стал.

– Вот ты говоришь, что ненавидишь людей, но ты же аль-

труист внутри, ведь пытался исправить их. Ты ненавидишь эгоистов, а не людей. Ненавидишь сами чувства, которые заставляют людей относиться к другим безразлично. На самом деле ты любишь людей. Ты живёшь благодаря любви к людям, творишь благодаря чувству, которое идёт из ощущения к этим людям, ведь не можешь одним словом поведать о своей любви к ним. Ты как слепой, который ориентируется только с помощью звуков и осязания, ты проходишь своей путь ради чувств к людям. Хоть в борьбе с эгоистами, ты потерял любовь к себе, став эгоистом по отношению к себе и к людям, но постарайся жить с помощью чувств к людям, окружающих тебя, а не вопреки эгоизму. Будь настоящим альтруистом, ведь внутри тебя он есть.

– Пока я ощущаю себя эгоистом. Но вашу правоту не могу отрицать, внутри себя, может быть, остался тот самый альтруист с детства.

– Ты боишься. – С улыбкой произнёс мужчина.

– Боюсь? С чего вы взяли, мне нечего бояться в своих чувствах к людям.

– Не, ты боишься не этого. Твоя ненависть исходит из страха, но этот страх не по отношению к людям.

– Да не боюсь я людей. – Пытался я остановить его уже, ведь наш разговор уже затянулся.

– Ты боишься своих чувств, как будто что-то хочет тебе о них напомнить, но ты пытаешься закрыть глаза ненавистью. Знаешь, человеческое сознание делится не только на рацио-

нальность и эмоциональность, а ещё оставляет место для веры. Именно вера в чувства не даёт нам стать машиной для цели, заставляя твою рациональность сомневаться в том, что чувств в тебе нет. Так что, душа в тебе есть, хоть и скромна. Вера – это часть твоей интенциональности.

Я не стал спрашивать у него, что такое, эта ваша, «интенциональность», мне было уже всё равно, настолько он выжег мне мозг своим разговором. Посмотрев в окно, я пытался найти среди темноты ночи остановку, чтоб наконец выйти из этого дурдома.

– Остановите на остановке, пожалуйста! – Прокричал я водителю.

– Вы уже уходите? – Спросил меня дяденька. – Жаль, а я лишь только начал.

– Извините... – Без искренности ответил я, мне нужно было лишь избавиться это место от себя.

Автобус резко затормозил, отчего все пассажиры в мгновение замолчали и начали провожать меня взглядом. Мне было уже всё равно на смущенье, только лишь этот автобус уехал из моей жизни также, как и приехал. Двери открылись, и я вступил на землю необитаемой остановки, чьё одиночество меня хотело захлебнуть, да и не только одиночество.

VII

Автобус оставил меня с разваливающейся от течения песочных часов времени остановкой. С одной стороны она всё это время была одинока, но с другой это и одиночеством не назвать. С кем ей быть одинокой, если она сама уже умерла от природы, и после неё остались лишь камни? Она уже давно не одинока. Тротуара от неё не было, лишь маленькая тропинка в редкий лес, чей массив из листьев был облит холодом луны. Что же остаётся мне, как не зайти в новый мир и поприветствовать его своим топотом? Чем глубже я заходил в лес, тем чаще я стал замечать, как осенних листьев всё становилось меньше и меньше, деревья стали более редкими и отдалены друг от друга, а тропинка укутывалась снегом. Сезон года менялся на глазах, наступила зима. Слабый холодный ветерок немного продувал мою куртку, но пока это было терпимо. Самое главное, это как преобразился лес. Теперь холод лучей луны дополняла и земная природа. Только среди всей красоты мелькал тёплый свет, будто что-то осталось из прошлого. Пробираясь до огонька, я заметил, как на тропинке лежала застеленная снегом папаха, рядом с которой была испачканная турецкой кровью фуражка. Я уже почти добрался, как на меня полетела куча бумаг, на которых было что-то небрежно написано и некоторые слова зачёркнуты, что-то вроде черновиков. Эти бумажки вылетели из растя-

нувшегося от ветра портфеля, валявшийся возле пылающей берёзы. Это и был источник тёплого света. На раздетых ветках берёзы вместо листьев развеивался, как флаг, чёрно-жёлтая кофта. Дерево моей родины полыхало так, будто никогда и не собиралось сгорать, хоть внутри, скорее всего, уже расплавилось и умерло. За деревом пылало что-то ещё, что-то более громоздкое, отчего вместо снега падал мёртвый огонь – пепел. Это была усадьба какой-то известной фамилии. Рядом с домом стоял дуб, который никак не поддавался огню, да и чему было там гореть, если увял он уже. В дупле его что-то блистало от холодных лучей солнца, похожее на свадебное кольцо, но тут некому идти на помощь. С другой стороны дуба виднелась дверь в самом дереве. Дверь эта была деревянная и старая, а, открыв её со скрипом, я увидел холодный белый свет, как от луны. Наверное, только за этой дверью я мог найти продолжение своего пути, среди бессмыслицы и неразберихи этого леса.

Как только я зашёл в дуб, так дверь за мной и захлопнулась. Я оказался до жути в знакомой прихожей. Этот тёмный коридор, шкаф с одеждой и обувью, полка с ключами и бумагами, всё навеивало то самое чувство, а из самой дальней комнаты доносилось тихое пение. Нет, это не от музыкальной шкатулки, это тот самый голос, который остался в лишь в моём подсознание. Голос доносился из кухни. Стоило мне лишь зайти туда, как песня утихла и мрак тишины настиг меня, где и возникла ты передо мной – моя звезда,

смотрящая в окно. Там падали такие же звёзды, сжигающие себя дотла, но не знают они, почём гаснут. Сгорали они за свои мечты, идеи, цели, любовь, а может они устали от мира и были им поражены. И падение в необъятную пустоту города продолжалось изо дня в день, за что с ними так госпожа удача? Но самая страшная агония в любви, ради которой можно сгореть не то, что до тла, а так, что и переродится уже не сможешь, оставшись под одной звездой. И вот ты и я, которых разлучило проказа – расстояние, но остаёмся под одной звездой – мечтой и верой. Как только я подумал об этом, так повернулась ты. Первое, что я увидел, – были твои глаза. Скорее нет, не глаза, а тёмные впадины, вместо глаз. Не было того самого пылающего солнца, которое постоянно там находилось. Может я просто забыл?

Я надеялся на разговор, хотел узнать куда уехала и почему не сказала, но не никак не мог открыться в мгновенье, не мог вспомнить имени твоего. Пока я пытался хоть звук произнести, она встала из-за стола и ушла в коридор. Через секунду донёсся хлопок входной двери, и я остался снова один. Находится здесь мне не было смысла, толку от рассмотрения падающих звёзд. Я пошёл к двери, а коридор позади меня как будто пропал позади меня с каждым миллиметром. И вот снова передо мной дверь, которая откроется от лёгкого нажатия на ручку, но в этот раз не будет новой комнаты, где ждёт меня новый мир. Открыв дверь, я ощутил влагу у своих ног. На меня нахлынул океан, а квартира позади раство-

рилась, и после секундного мгновения я оказался на дне, где был только я со своей печалью от очередной потери своей звезды и с памятью об упущенном. Уже надеясь на смерть от нехватки кислорода, осознал, что даже дышать мне не нужно, ведь вода и есть мой новый воздух, и чем это не ад покинутости. Мне оставалось смотреть на луну, чей свет просачивался через литры океана, и вынуждал по нему мечтать, по моему новому раю. Но в лучах луны мелькнул чёрный блеск – это были твои длинные волосы русалки. Ты плыла к поверхности, к чему-то новому, где нет мне места. Даже крик не сможет тебе напомнить обо моей покинутости, он лишь рассеется в воде. А может попробовать отпустить свою печаль и оставить память о тебе на смертном одре, чтоб наконец начать помнить о новом, пусть уж утонет она? Ноги отцепились ото дна, и я начал всплывать. Всплывать о мечте о земле, где смогу разделить своё одиночество со своей лунной, где ты ждёшь меня. Чем ближе я подплывал к поверхности, тем ярче становились лучи, в которых растворялось всё, в которых потерял я тебя. Всё ярче и ярче холодный свет ослеплял меня. К концу я видел лишь белый свет.

Но моя слепота прошла, как только ты убрала с моих глаз свою руку, и оказался я в саду, нет, в поле. Поле деревьев сирени. Каждое дерево напоминало тебя, твою красоту, запах, лучи от волос. Ты убегала от меня в своём чёрном платье, скрываясь среди фиолетового массива. Я шёл за тобой и наблюдал, как прекрасное цвело, но долгий ли его век? Нет,

ведь ты убежала в новые годы, где только расцветала сирень, а в старых увядала она. Как бы не старался я догнать тебя, я не мог приблизиться даже на метр к тебе, всё время сирень закрывала тебя. Может, мне не стоит гнаться за тобой. Стоило мне остановиться, так ты пропала, а я остался среди засохшего поля, где только одно дерево цвело. Возле него был проход, из которого излучался белый свет. Пока я шёл к нему, я думал насчёт того, почему я всё время иду за ней? Она вечно исчезает в глазах и памяти моей, но всё также я пытаюсь найти её в мире безупречном и новом, где я перерождаюсь, но это походит больше на пытку. Может моя любовь и есть моя вина за всё перед жизнью? Но за что мне извинятся? Как только я подошёл к лучезарному проходу, то я услышал:

– А ты помнишь? – Ласково прошептала она.

Я обернулся и увидел, как она протягивает мне руку, будто зовёт с собой снова гулять среди сирени и любить со всей страстью мир снова. Передо мной были все её образы, прошедшие через мою жизнь. Я был свидетелем её красоты, но разве это что-то необычное? До её вопроса я уже решил всё, решил остаться... остаться наедине со своим сознанием, где она останется в воспоминаниях.

– Я буду помнить. – Проговорил я и ушёл в проход.

– А ты изменишься? – На прощание спросила она.

Входил я в проход обилия света, а выходил из дома, который был набит пеплом. Да, я стоял на крыльце той самой сгоревшей усадьбы. Берёза тоже уже сгорела и остался толь-

ко лес да снег с пеплом, который освещала луна. В этот раз лес не выделялся чем-то особенным, лес как лес. Обычное снежное одеяло, светильник в виде луны, ночное небо было похоже на космический потолок, а деревья выступали в роли человека, который ложился спать. Самая что ни на есть обычная картина леса. И снова только единственная тропинка направляла мне путь, и что мне остаётся, как не идти по ней? Пока я следовал приказу тропы, я вспоминал, как также шёл по городу после доктора. Тогда я также увидел одну дорогу и решил следовать ей, не обращая внимание на окружение. Мои мысли тогда были окутаны словами психиатра. Что он тогда хотел сказать этим: «Проснитесь»? Даже после того, что я прошёл в радости и в свободе, не могу понять подсознание. Вроде осталось неизвестное чувство, которое меня ведёт всю дорогу. Может это любовь, ведь только благодаря ей я следовал за своей звездой? Но разве можно назвать это любовь, когда я всё время один. Это моя тоска. Даже если закрою глаза, то также буду идти по тропе, так как ведёт меня тоска по чувствам, ведёт меня в ту самую пустоту.

Чем дальше я шёл, тем холоднее становилось. Холод пробирал всё моё тело, что даже идти становилось всё тяжелее. Но что-то в конце пути виднелось, это было увядшее дерево сирени. Оно покрылось снегом и окончательно замёрзло. Путь закончился, и я присел под деревцем, уперевшись об него спиной. Единственное, что тогда согревало, – это моя луна. Только её лучи, пробивавшиеся через ветки сирени,

могли хоть немного дать своего тепла. Но это не единственное, что тогда могла дать луна. Пока я смотрел на неё, ветки выстраивались в знакомый образ. Волосы, лицо, фигура тела – это всё напоминало мне её. Но почему она снова в моей жизни? Мне больше не нужны последние встречи, пора хоронить её. Хоронить былое. Я достал своё «Письмо» и посмотрел на последнее предложение «Я бы хотел умереть», наверное, это очередная моя ошибка, а ветер стал ещё холоднее, и глаза закрывались от тяжести. Я уже не мог пошевелиться и даже почувствовать, лишь прощаться с её образом из веток сирени и со своей одинокой луной, наконец оставив её, и, опустив бумажку из рук, попрощался с самим собой.

Закрываю глаза, а там она – тоска. Всё та же темнота, где моя свобода и радость от обычного существования. Но в этот раз я пришёл с новым чувством, которого мне не хватало, – тоской. Хотя... куда теперь меня поведёт тоска? Здесь нет пути, лишь пространство, в котором я могу делать всё, что захочу. По кому мне здесь тосковать? Я попрощался с воспоминаниями и, наконец, с памятью о прошлом? Я же не буду тосковать даже по миру, ведь в этой темноте нет изъян. Может тоска становится любовью? Любовь сможет объединить мою радость и свободу. Ведь только благодаря любви я могу тут существовать и не задумываться о другом, наслаждаясь своей радостью и свободой. Это и будет моим счастьем. Счастьем в.. пустоте? Я счастлив пустотой, а не миром, обычном своим существованием, а не миром. Я счастлив не жизнью,

а лишь своими глупыми целями и чувствами, которые приходят во время достижения цели. Я хочу открыть глаза, где будет обитать не тишина и тьма, а где будет идеал – жизнь. Я могу просить прощение множество раз, но прошу, жизнь, позволь мне открыть глаза. Как мне сказать, что ты прекрасна жизнь? Как сказать тебе спасибо, за твоё существование?

– Я хочу жить... жить, чтобы находить ответы, как тот старик... – Уже через замёрзшие губы проговорил я.

Вот наконец проснулся наш герой. Но было уже поздно. Водитель автобуса попал в очень тяжёлую ситуацию и ехал уже на встречу приближавшейся фуру, которая решила сделать обгон. Смерть неминуемая, хоть как не дави на тормоз. Но человека это не смутило, и он воспринимал всё спокойно, наблюдая, как фура летит в него. Ему оставалось лишь сказать последнее слово.

– Спасибо, что ты есть, жизнь.

VII

Перед нами была комната, зайдя в которую, можно было увидеть всего четыре вещи: совсем новый шкаф, в котором аккуратно были разложены вещи, стол, служивших подставкой лишь для одной бумажки, окно, из которого солнце прогревало стены комнаты, и кровать. Она особо ничем не выделялась среди других вещей комнаты. Обычное белое постельное бельё и совсем обычный человек, свернувшись калачиком, спал на ней, только одно было странным – это его вдохи и выдохи, которые с каждым разом становились всё реже и реже, как будто он сейчас совсем перестанет дышать и задохнётся. И если ещё внимательнее присмотреться, то можно увидеть, как он сжал очень сильно одну из ладоней в кулак. Но ладно, хочется повнимательнее рассмотреть стол и узнать, что же хранит в себе особая бумажка. В заголовке написано «Письмо», ФИО адресата не указано, его как будто и не было тут. Может это письмо никому и не назначается? На бумажке написаны сюжеты снов человека, видимо он любитель их записывать, а может человек писал письмо для психотерапевта для разбора с ним этих снов? Но письмо явно не дописано, будто осталось дописать концовку одного сна.

–АХ!!! – вскрикнул спавший человек.

Вдруг вскочил с кровати герой. На его лбу был холодный пот, вроде того, который обычно появляется после долгого

кошмара – сна, воплощающем все тайные чувства человека. Личность смотрела на свою ладонь, на которой остались следы от сильного сжатия, глазами полными недоумения. Так прошло где-то минут пять или десять, но они прервались.

–Нужно писать, нужно писать, нужно писать, нужно писать, нужно писать, нужно писать, нужно писать... – повторял он до того момента, пока не сел за стол, не взял ручку и не начал писать.

На всю квартиру было слышно, как ручка строгала своё искусство на бумаге, но это было похоже со стороны на небрежную и абсолютно безграмотную писанину, хотя на самом деле на бумаге появлялись абсолютно прекрасное предложение. Наконец, он дописывает своё искусство последними словами «Письма» на последней странице. Я хочу жить, чтобы находить ответы.»

Примечание

Данный рассказ по сравнению с прошлым («Комната») для меня является по-настоящему прогрессом. В «Комнате» не было полноценной структуры и определённой проблемы, которую задевал рассказ. Этот минус я постарался решить в данном рассказе, попробовав взять в основу самый классический приём – путь героя, нежели непонятные отрывки из жизни мальчика (Они даже почти не связаны). Может показаться, что «Письмо» и в сюжете в своём очень примитивно, на самом деле так и есть, самый обыкновенный путь, но я

и не старался придумать велосипед и создать сюжет из воспоминаний, которые бы сложились под конец в полную картину, я решил сделать так, чтобы сами воспоминания (сны) по пути героя уже складывали картину, ничего нового. Рассказ не заслуживает сверхпохвалу и является скорее для меня очередной галочкой в прогрессе, чем полноценным трудом. Также стоит отметить, что «Комната» писалась под влиянием некоторых песен и книг, и полностью на них основана (Это мой грех первого опыта), в «Письме» я постарался быть более самостоятельным (Да, здесь можно заметить некоторые фрагменты от других авторов, но они не особо заметные, здесь по-настоящему можно сказать, что я вдохновился ими).

На протяжении всего рассказа может возникнуть очень простой вопрос «Почему так много он, герой, человек, личность?». Полноценно отвечать на данный вопрос я не буду, лишь скажу, что «Письмо» является шаблоном, а не историей отдельной личности.

Также, если вы всё-таки прочитали рассказ и вам понравилось, то могу предложить зайти в тг-канал «Note», где валяются заметки к данному рассказу. Там есть некоторые мысли, которые по итогу не вошли в сам рассказ.

(Ссылка: <https://t.me/+bO7Z3bmrfe4wNmVi>).

Дата написания: 30 марта 2024 0:13.